

УДК 82-94
DOI 10.17223/19986645/24/7

Е.Е. Анисимова

**В.А. ЖУКОВСКИЙ МЕЖДУ ДВУХ ЮБИЛЕЕВ (1883–1902).
СТАТЬЯ 1. ВРЕМЯ ЮБИЛЕЕВ, ПРОСТРАНСТВО ВЛАСТИ,
МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ**

В статье рассматриваются стратегии формирования биографического мифа В.А. Жуковского в период празднования его юбилеев: 100-летия со дня его рождения и 50-летия со дня смерти. Объектом исследования становятся рассмотренные в историко-культурном контексте рубежа XIX–XX вв. документальные свидетельства об официальных торжественных мероприятиях, «юбилейные» отклики в отечественной прессе и выпущенные к круглой дате монографические работы о Жуковском. В этот период переосмысляются статус и функции биографии поэта и формируется поле для последующих интерпретаций его творческого наследия.

Ключевые слова: Жуковский, литературный юбилей, канонизация классики, биография, рецепция.

Литературный юбилей обычно провоцирует всплеск интереса к фигуре юбиляра и становится той критической точкой, которая определяет его классический или неклассический статус. В то же время особенности юбилейных празднований и инспирированных ими текстов обусловлены не только (а часто и не столько) фактами жизни и творчества здравствующего или уже умершего виновника торжества, но в первую очередь общественно-литературным контекстом самой даты. Как заметил в посвященной В.А. Жуковскому речи Я.К. Грот, юбилей «дает нам возможность взглянуть с новой точки зрения на наше настоящее и на самих себя, проверить наши собственные помышления, желания и действия» [1. С. 172]¹, – показательно акцентировав отнесенность своего интереса не к прошлому, но к актуальному настоящему. Торжества в честь В.А. Жуковского, одного из создателей новой русской литературы, предоставляют обширный материал как для изучения «культы» первого русского романтика, его изменяющегося от эпохи к эпохе социокультурного реноме, так и для понимания самой «механики» юбилейных торжеств как акта исторической канонизации их виновника. Первый тезис, которым мы хотели бы открыть настоящую статью, заключается в том, что ключевые направления интерпретации наследия Жуковского, намеченные в юбилейный 1883 г., а затем усиленные во время следующих празднований в 1902 г., сформировали в конечном счете основные тенденции в осмыслении произведений и биографического мифа Жуковского в культуре fin de siècle.

Точкой отсчета в посвященных Жуковскому юбилейных торжествах стал 1883 г. – 100-летний юбилей со дня рождения поэта. 1880-е гг. в русском историко-культурном процессе были очередным и во многом определяющим

¹ Цитируемая статья представляет собой полный вариант речи Я.К. Грота, прочитанной на публичном собрании Отделения русского языка и словесности в честь 100-летнего юбилея Жуковского 30 января 1883 г.

этапом становления литературного самосознания. За прошедший век русская литература преодолела путь от попыток включения западноевропейского литературного опыта в национальный до создания общепризнанных мировых шедевров. Подобная трансформация потребовала осмысления как истоков процесса, так и закономерностей действующего культурного механизма. Символическим рубежом в самосознании русской литературы, по наблюдению Ю.А. Молока, было открытие памятника А.С. Пушкину в 1880 г., ставшее крупным общественным событием и «актом <...> духовного самосознания» русской культуры [2. С. 11]. Речи Достоевского, Тургенева и Аксакова, прозвучавшие на торжественном открытии монумента, обусловили дальнейшую рефлексию об истоках русской литературной классики. В этой атмосфере готовился и отмечался юбилей Жуковского 1883 г. Фигура поэта в это время отвечала культурному запросу времени: она одновременно попадала в поле осмысления путей русской классики и в поле набирающего обороты культа Пушкина – «ученика-победителя» Жуковского. Одна из посвященных Жуковскому праздничных брошюр начиналась показательными словами: «Двадцать девятое января – знаменательный день в истории умственного и литературного развития России! Это – день рождения дивного человека и поэта В.А. Жуковского и день кончины его гениального ученика, свободного поэта А.С. Пушкина» [3. С. 5].

Следующим фактором, определившим особенности юбилея 1883 г., стала гибель Александра II в 1881 г. Смерть венценосного воспитанника Жуковского инспирировала обнаружение значительного массива документов, связанных с биографией и деятельностью императора, которые не могли быть напечатаны при его жизни. К числу таких документов относится обширная переписка Жуковского с Александром Николаевичем, публикацию которой «Русский архив» приурочил к юбилею поэта [4, 5, 6]. Так, в начале 1880-х гг. начинают свое энергичное развитие темы Жуковского-педагога и Жуковского-наставника царя-освободителя. В опубликованных в 1883 г. юбилейных работах этот акцент особенно заметен¹. В речи, прочитанной на торжественном заседании Академии наук в честь юбилея Жуковского, проф. О.Ф. Миллер подчеркнул: «Да, мы не только счастливее, но и несчастнее Жуковского. И наше сегодняшнее светлое торжество невольно омрачается скорбью. Из-за могилы того, чей бессмертный дух нами в настоящее время чествуется, видится нам другая, еще слишком свежая и несказанно нам дорогая могила. Над этуо всенародно чтимой могилой в сиянии незаходимого света начертано: “19 февраля”» [10. С. 43].

Впрочем, мысль о благотворном нравственном влиянии Жуковского-наставника на наследника престола была высказана Миллером задолго до дня отмены крепостного права. Будущий профессор, а тогда юный студент Петербургского университета, он отозвался стихотворением на смерть Жуковского и опубликовал его в «Северной пчеле»:

Мир отдохнул. Зашла звезда Наполеона;
Благословенного не стало на земле,
И новый Царь стал гордостью трона:

¹ См., например: [3, 7, 8, 9].

Он другом был в Его семье.
 Святым доверием к нему руководимый,
 Царь первенца ему с надеждою вручил,
 И памятник себе, вовек несокрушимый,
 В душе Наследника он сам соорудил... [11]

Позднее, по замечанию биографа, Миллер всегда подчеркивал эту мысль в своей преподавательской деятельности:

Стихотворение оканчивается мыслью, к которой покойный профессор (О.Ф. Миллер. – Е.А.) любил так часто обращаться в своих лекциях и публичных речах – о влиянии гуманной поэзии и нравственного облика Жуковского на императора Александра II и его реформы <...> “Памятник” этот, толковал впоследствии Орест Федорович свою мысль, – это 19 февраля, акт величайшей человеческой гуманности и справедливости, которая проникла в сердце Наследника под благотворным влиянием своего воспитателя – “старца духом юного”. Это 19 февраля и послужило тем звеном, которое в его мысли соединило два образа, сделавшихся для него одинаково дорогими: образ поэта-воспитателя и освободителя-воспитанника¹ [12. С. 345].

Выраженная Миллером тенденция к совмещению идей свободы и власти была характерна для юбилейных торжеств в целом: этой темы касались практически все докладчики и поэты. Более того, одним из приложений к хронике празднеств стали документальные свидетельства фактов выкупа и освобождения Жуковским крепостных, наглядно демонстрирующие либерализм поэта-наставника [10. С. 74–76].

В программу юбилейных торжеств 1883 г. входили не только ученые заседания и мероприятия «для немногих», но и народное чтение, представляющее собой упрощенную копию «аристократического» чествования. После доступных для слушателей общих слов о Жуковском было прочитано патриотическое стихотворение М.П. Розенгейма «Памяти В.А. Жуковского», заканчивавшееся строками:

Что этот славный Царь, России обновитель,
 Кем смыт с нее позор неволи крепостной,
 Что этот друг Славян, их щит и избавитель,
 Кто в самой Азии вел с рабством вечный бой,
 Что этот доблестный, глубокочеловечный
 Носитель тернием повитого венца,
 Он, приснопамятный, достойный славы вечной,
 Воспитанник он был Жуковского певца! [10. С. 32]

Популистская направленность нового литературного культа и его недвусмысленная ассоциация с полюсом власти закономерно обретали сентиментальный оборот: «В заключение, во время чтения стихов Розенгейма, глазам публики предстал дорогой лик Венценосного Ученика Жуковского. Тогда в зале послышались всхлипывания» [10. С. 63]. Чтобы закончить народное чтение на мажорной ноте, аудитории была прочитана сказка о «Сером Волке».

¹ К юбилею Жуковского 1883 г. Миллер имел собственный опыт обучения членов императорской семьи (см.: [12. С. 359]).

«Придворный» акцент в чествовании Жуковского подкреплялся также вниманием со стороны членов императорской семьи, которые отнеслись к торжеству с большим вниманием – не только пожаловали деньги и отправили поздравительные телеграммы, но и в полном составе посетили приуроченный к юбилею поэта литературно-музыкальный вечер [10. С. 12, 14, 65]. По наблюдению хроникера юбилейных торжеств, «спектакль начался гимном: “Боже, Царя храни!” (слова Жуковского), который, по требованию публики, был спет три раза» [10. С. 65].

К юбилею поэта было приурочено открытие 21 января 1883 г. двух новых городских училищ имени Жуковского [13]. Имя Жуковского в названии учебных заведений не было формальностью: уже 4 июня 1887 г. ученики этих школ были приглашены на открытие памятника поэту в Александровском саду. По впечатлениям очевидцев, именно ученики, возложившие букеты к подножию памятника и получившие в дар по томику сказок Жуковского, сделали торжество особенно живым и трогательным [14]. Таким образом, педагогическая деятельность Жуковского начинается в 1880-е гг. восприниматься не менее значимой, нежели поэтическая.

Юбилей Жуковского 1902 г. добавил к символическому еще и юридический подтекст. Согласно законам империи 50-летие со дня смерти писателя являлось концом действия авторских прав, после чего его наследие делалось всеобщим достоянием. Важнейшим следствием этой трансформации стало массовое распространение произведений юбиляра – практика, подкрепившая намеченные 19 лет назад идеологические стратегии популяризации. На это обстоятельство в своем обзоре жуковско-гоголевской юбилейной литературы 1902 г. указал В.В. Каллаш: «Прекращение книжной монополии приводит всегда к массовому появлению новых изданий, их значительному удешевлению – к самой широкой их популяризации» [15. С. 20]. Первым шагом к обнародованию поэзии русского романтика стали выпуск «избранного» Жуковского для народной школы и постановка его произведений в Народном доме [16]. Так началось движение репутации Жуковского от поэта «для немногих» к «школьному» статусу писателя «для всех», одной из икон русской классической словесности, канон которой интенсивно вырабатывался на рубеже столетий.

Символическими событиями, приуроченными к юбилеям 1883 г. и 1902 г., стали установка памятника поэту в Александровском саду и переименование одной из центральных улиц столицы в улицу имени Жуковского. Идея установки памятника принадлежала К.К. Зейдлицу: на осуществление этого проекта он передал все средства, вырученные от продажи своей посвященной поэту книги¹. Выбор места для установки памятника, а также улицы для переименования был неслучайным и вновь проецировался на наставническую деятельность поэта.

¹ Формально памятник был установлен только в 1887 г., однако деньги на его установку стали собираться непосредственно в юбилейный год поэта [17], в 1884 г. был заслушан посвященный этому вопросу доклад городской управы, в 1885 г. было готово заключение финансовой комиссии, в 1886 г. – выделена недостающая сумма денег [18]. 4 июня 1887 г. состоялось торжественное открытие памятника [19. С. 1].

Важной в этой перспективе представляется сама история Александровского сада, который в 1880-е гг. в очередной раз сменил свое назначение. В начале XVIII в. Петр I основал здесь верфь-крепость с целью защитить город от шведской военной угрозы. Спустя столетие, когда территория утратила свое оборонное значение, Александр I основал на месте крепости бульвар для отдыха и увеселений горожан. Наконец, в 1880 г. было принято решение украсить разросшийся сад бюстами, превратив его, таким образом, из «ботанического» в «исторический» [20. С. 336]. Место для бюста Жуковского, обозначенное на плане Александровского сада «литерой А.» [21], находилось ближе всего к Зимнему дворцу, кроме того, при установке бюст был развернут лицом к Дворцовой площади. Текущая периодика резонно ориентировала читателей на «властные» и «царские» ассоциации, сообщая, что бюст Жуковского представлял собой «воспроизведение весьма удачного его портрета, хранящегося в кабинете в Бозе почившего императора Александра II в зимнем дворце» [13].

Переименование в 1902 г. ул. Малой Итальянской в улицу Жуковского официально считалось продолжением осуществленного уже городом дела, служащего живым напоминанием великих его заслуг в области народного просвещения, а именно создание памятника Императору Александру II, сооружение имени Императора Александра II городского училищного дома вблизи М. Итальянской на “Прудках”: присвоение улице ведущей к такому памятнику “имени В.А. Жуковского” будет соответствовать значению его, как главного наставника в Бозе почивающего Императора Александра Освободителя, а эта заслуга поэта слишком велика для всего русского народа в его настоящих и будущих судьбах [22. С. 530].

Поэтому в официальных символах памяти Жуковского – бюсте и улице – поэт выступал в первую очередь в качестве наставника и близкого императорской семье человека и лишь во вторую – в качестве одного из родоначальников современной отечественной поэзии.

Характерно, что непосредственное восприятие памятника современниками «срабатывало» в унисон с юбилейной стратегией, увязывавшей Жуковского с «полем власти». Александровский сад в 1887 г. еще не был «заселен» другими бюстами, и бронзовый Жуковский делил пространство только с одним «соседом» – конной статуей Петра Великого. Основатель империи и, на взгляд многих, идеальный, придворный стихотворец уходящего века словно символизировали ключевую для русской культуры оппозицию поэта и царя и, по мнению некоторых наблюдателей, оба выглядели некстати в этом имперском центре столицы.

В таком изящном и превосходно содержимом саду, как Александровский, следовало бы побольше заботиться о расположении предметов с соблюдением условий красоты и гармонии, нарушение которой, по странной случайности, здесь дважды повторяется. В одном конце сада скромный бюст поэта потерялся от несколько излишнего так сказать простора, или вернее – от недостатка уютности, а в противоположном конце – могучая фигура Великого Петра на коне оказалась притиснутой к садовой решетке, не говоря уже о не-

соответствии антуража цветущей зелени идее грубой гранитной глыбы пьедестала [23].

При всех частных претензиях важным здесь является, как видим, само понимание мифологической соотнесенности поэта с правителем и в архитектуре конкретного локуса, и в целом – в сознании эпохи.

* * *

Внимательное прочтение юбилейных выпусков ведущих отечественных журналов 1883 г. показывает, что интерес к фигуре Жуковского в разных социокультурных нишах проявлялся по-разному. Ведущие отечественные журналы консервативного и умеренно-либерального толка «отметили» день рождения поэта разнообразными материалами в первых выпусках 1883 г. Спектр этих материалов был широк: от стихотворных посвящений до масштабных публикаций и программных статей. Издания народнической ориентации, напротив, знаково *забыли* поздравить юбиляра. В журнальных публикациях, приуроченных к 100-летию со дня рождения поэта, можно выделить три стратегии его оценки.

Первая – «дежурные» юбилейные поздравления, напоминавшие читателю о круглой дате. Поэтическим примером такого подхода стало стихотворение «на случай» А.Н. Майкова «29 января 1883». Характерно, что в юбилейном посвящении Майкова, вообще мастера этого жанра, ярко проявила себя уже знакомая нам черта – восхваление юбиляра через его символическое приобщение к «полю власти». В качестве ключевого события жизни Жуковского Майков выделяет Отечественную войну 1812 г., а финал стихотворения венчает представленной в иносказательной форме фигурой императора Александра II:

<...> И между посвященных
Им отроков и тот был – кроткий сердцем, –
Кого господь благословил на деле
Осуществить во благо миллионов
Учителя высокие заветы... [24]

Второй из наметившихся подходов – издание связанных с Жуковским материалов и документов, введение в научный оборот эпистолярного наследия поэта и его окружения. За осуществление этой задачи взялся историко-литературный научный журнал «Русский архив» [3, 4, 5, 25]. «Итогом юбилейного года стала акция пожертвования в 1884 г. сыном поэта, художником П.В. Жуковским, в Императорскую Публичную библиотеку бумаг отца» [26. С. 444]. Этот дар стал импульсом для начала активной деятельности библиографа И.А. Бычкова по описанию и изданию писем, дневников и бумаг Жуковского [27, 28]. Благодаря подвижнической деятельности П.А. Ефремова в 1885 г. увидело свет восьмое издание «Сочинений» Жуковского [29]. Весь объем публикаций, в том числе писем и дневников, открыл новое лицо Жуковского и конкретизировал его место в общественной и литературной жизни России.

Третьим направлением, обозначившимся в «юбилейной» периодике 1883 г., стало освещение жизненного пути поэта в неразрывной связи параметров его личности с особенностями творчества [30, 31, 32]. Эта тема развивалась главным образом журналом «Вестник Европы» и сотрудничавшими с ним авторами, знавшими создателя первой серьезной биографии поэта К.К. Зейдлица, книга которого была также опубликована в 1883 г. в издательстве «Вестника Европы».

Эти подходы (назовем их условно: популяризаторский, академический и романтический), намеченные в юбилейных статьях, были концептуально представлены в посвященных Жуковскому монографических исследованиях. К числу ключевых работ, выход которых связан с юбилеем 1883 г., принято относить следующие: «Жизнь и поэзия В.А. Жуковского» К.К. Зейдлица, «В.А. Жуковский и его произведения» П. Загарина (псевдоним Л.И. Поливанова) и «В.А. Жуковский. Рецензия на книгу «В.А. Жуковский и его произведения, 1783–1883», сочинение П. Загарина» Н.С. Тихонравова [33, 34, 35]. Первой из них стала книга Зейдлица, представляющая собой сокращенную и переработанную версию его более ранней немецкоязычной работы «Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein Russisches Dichterleben» (1870). Книга Поливанова была написана всего за два месяца до юбилейных торжеств [36. С. 29; 37. С. 86]. Объемная статья Тихонравова создавалась в 1885 г., а появилась в печати только в 1898 г.

В этих крупных работах еще более рельефно выступают направления, намеченные в юбилейной периодике. Зейдлиц в своей монографии концептуализирует биографию Жуковского в романтическом ключе. Стоит отметить, что выдержанные в том же духе публикации юбилейных выпусков «толстых» журналов вышли из ближайшего круга Зейдлица и принадлежали перу профессора Дерптского университета П.А. Висковатова, а также редактора «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича [30, 31]. Их исследования содержали как комплиментарные, так и нейтральные библиографические ссылки друг на друга и, по сути, поддерживали сформулированную Зейдлицем жизнестроительную концепцию. Его работа обладала одним несомненным преимуществом, о котором сообщалось уже в подзаголовке монографии: «По неизданным источникам и личным воспоминаниям». Вполне естественно, что основанный на «артефактах первого (личные документы)» и «второго (свидетельства современников) порядка» [38. С. 15] текст был воспринят читателями как вызывающий полное доверие.

Из всех биографов 1880-х гг. именно Зейдлиц испытывал наиболее сильное желание увековечить человеческий образ Жуковского, и на это у него имелись веские причины. Стремление биографа выразилось не только в слове – написании и издании монографии, но и во вполне конкретном деянии – пожертвовании на памятник поэту в центре столицы. Благодаря средствам от продажи книги Зейдлица установка памятника состоялась уже через 4 года, т.е., учитывая масштаб мероприятия, достаточно быстро (бюст Жуковского был установлен первым из намеченных в плане).

Результатом подвижнической изыскательской и популяризаторской деятельности Зейдлица стала традиция рассматривать произведения и жизне-текст поэта через призму его многолетнего бескорыстно-рыцарского увлече-

ния Марией Андреевной Протасовой-Мойер, возникновение культа которой в сознании Жуковского было подробно освещено в биографии, написанной его немецким другом. Для самого Зейдлица, думается, конструирование биографии стало не только данью светлой памяти Жуковского, но и формой самоописания – довольно частого примера психологической проекции личности биографа на личность его героя, возможной, что важно отметить, лишь в том случае, если нравственное обаяние натуры этого героя уже является общепризнанным бесспорным фактом. Младший современник русского поэта, Зейдлиц испытал в начале 1820-х гг. сильное чувство к Марии Андреевне и по-настоящему сблизился с Жуковским только после смерти его возлюбленной, ассоциируя собственную судьбу с жизненным путем поэта. «Маша относилась к Зейдлицу с истинно материнской заботой и любовью, не допуская мысли о каком-то другом чувстве. Он и называл ее *Mutter Marie*, хотя был моложе ее только на пять лет. Сам же он действительно привязался к ней не только сыновней любовью и пронес это святое чувство до самой смерти в 1885 г.» [39]. Именно по этой причине, как отмечает М.Г. Салупере, биография поэта в версии Зейдлица «освещает всю жизнь и творчество Жуковского светом его любви к Маше. Зейдлиц получил при этом возможность, цитируя письма и описывая поведение действующих лиц, открыто выразить и собственные чувства и увековечить образ боготворимой им всю жизнь женщины» [39].

Утверждению подобного взгляда на личность Жуковского способствовали и характер поэтического творчества последнего, и его репутация придворного заступника, в разное время стремившегося выручить и нередко действительно вытаскивавшего из-под катка русской бюрократии Пушкина, Мещевского, Шевченко, некоторых декабристов, Герцена и др. Первый классический перевод «Дон Кихота» Сервантеса, цикл рыцарских баллад надолго закрепили за поэтом славу рыцаря, для которого, как известно, любовь к заведомо недоступной женщине была одной из обязательных составляющих этикетного поведения.

Таким образом, создав концептуальный и достоверный текст о поэте, Зейдлиц задал новое направление дальнейшего осмысления феномена Жуковского: прочтение творчества через биографию и любовь к Маше как генеральный сюжет его житнетекста. В результате все последующие интерпретации жизни и творчества поэта попадали в зависимость от версии Зейдлица и оказывались замкнутыми в том «круге понимания», который был задан первым биографом. При этом не имело значения, поддерживалась или опровергалась в новых работах главная идея книги Зейдлица: в обоих случаях она становилась точкой отсчета и ориентиром.

Если Зейдлиц был близким другом Жуковского, располагал значительной частью семейного архива и работал над книгой о поэте с 1860-х гг. [40. С. 19–20], то Поливанов, напротив, не был близок ни Жуковскому, ни его семье, не вводил в научный оборот новых биографических документов и написал 650-страничный труд за рекордный двухмесячный срок. Цель Поливанова, знаменитого московского педагога, учителя Брюсова, Б.Н. Бугаева (будущий поэт Андрей Белый) и многих других, была иной и требовала, соответственно, иного подхода. Во-первых, чутко уловив настроения эпохи, автор стремился предложить читателю «популярного» Жуковского, поэтому для того,

чтобы соответствовать юбилейной тенденции, Поливанов готов был пожертвовать качественным уровнем всей книги. Спешность, с которой он принялся за работу, удивляла даже хорошо знавших его коллег: «Стоит вспомнить, например, хотя бы дни (вернее будет сказать: *дни и ночи*) периодов подготовки издания биографии Жуковского, написанной Львом Ивановичем и изданной в течение двух месяцев» [37. С. 86]. Во-вторых, соприкасаясь с юбилейной установкой официоза, Поливанов-Загарин видел в Жуковском прежде всего педагога, наставника царя, учителя, занявшего высшую ступень в символической и государственной иерархии.

Оба этих аспекта загаринской биографии Жуковского были, как несложно понять, крайне уязвимы для научной критики, которая не замедлила появиться именно как отзыв на спорную книгу московского педагога, обозначив тем самым новый, научный, этап изучения творчества поэта. Эта страница литературы о Жуковском была открыта работой Н.С. Тихонравова «В.А. Жуковский. Рецензия на книгу “В.А. Жуковский и его произведения, 1783–1883”, сочинение П. Загарина (псевдоним). Издание Льва Поливанова». Поливанов в 1885 г. представил свою книгу о Жуковском на премию в Академию, рецензентом которой и выступил Н.С. Тихонраов. Его рецензия, которую по праву можно считать полноценной научной работой о Жуковском, по сути, явилась разгромным отзывом на работу Загарина. Однако основной интерес для нас представляет не столько пафос этой фундаментальной статьи, сколько сам принцип организации ее текста. Структура рецензии представляла собой сопоставление двух версий жизнеописания Жуковского – Загарина и Зейдлица. В своем отзыве Тихонраов явно вышел за пределы конкретной задачи, которая стояла перед ним, – ответить на вопрос, достоин ли соискатель премии. Вместо этого академик предпринял масштабное исследование, в ходе которого попытался доказать, чья версия биографии поэта является «правильной».

Рецензия Тихонравова начинается с прояснения целей исследования. У Зейдлица она, на взгляд ученого, очевидна: «объективное воззрение на историю развития его внутренней жизни и поэзии» [35. С. 380]. Цель Загарина – «анализ произведений Жуковского с указанием их “связи с внутреннею жизнью самого поэта и явлениями жизни общественной и государственной”» [35. С. 382], что, по мнению академика, заведомо неосуществимо. Стремление Загарина «дать» одновременно Жуковского человека, поэта и исторического деятеля рассматривается Тихонраовым как желание усидеть на трех стульях.

Одним из сокрушительных аргументов Тихонравова было указание на многочисленные искажения фактов. Такие ошибки-смещения представляются любопытными, т.к. именно они демонстрируют характер писательской стратегии и проявляют смыслы, имплицитированные в текст самим биографом. Например, после детального обзора разделов об обучении Жуковского в московском Благородном пансионе Тихонраов резюмирует: «Мы не видим особенно плодотворного влияния университетского пансиона на Жуковского, вопреки г. Загарину, который говорит: “Плодотворностию своей эта школа была обязана умению возбудить в юношах интерес к вопросам жизни внутренней, поддерживать его и на нем основать нравственное воспитание”» [35.

С. 412]. Очевидно, что для педагога и директора гимназии Поливанова пансион виделся центром воспитания и образования Жуковского, что, в свою очередь, для ученого Тихонравова было не столь очевидным: «Приписывая влиянию пансиона обращение не одного Жуковского, а вообще воспитанников этого училища к вопросам жизни внутренней, г. Загарин не представляет никаких доказательств своей мысли, не называет ни одного наставника пансиона, который мог бы двигать воспитанников в этом направлении» [35. С. 413].

Следующий связанный с московским Благородным пансионом промах Загарина, по мнению рецензента, заключался в преувеличении роли заведения в формировании литературных обществ начала XIX в.: «Общество это (“Дружеское литературное общество”. – Е.А.) основано было не “бывшими воспитанниками благородного пансиона”, как сообщает г. Загарин (стр. 50), а *большую часть* бывшими студентами Московского университета» [35. С. 430]. В конце рецензии Тихонравов резюмирует:

...Сочинение г. Загарина обнаруживает полное отсутствие критического отношения как к сочинениям Жуковского, так и к источникам для его биографии. <...> Останавливаясь только на разборе “важнейших” сочинений Жуковского и не объясняя читателю того “мерила праведного”, коим определена эта важность, г. Загарин выдвинул тем самым свою монографию из области *исторических* исследований, из области серьезных ученых трудов [35. С. 501].

Помимо вызвавшего возмущение рецензента преувеличения роли пансиона в дальнейшей жизни поэта, Загарин поместил в конце книги развернутые приложения документов: «Из общих постановлений для воспитанников Благородного пансиона» и «Законы собрания воспитанников Университетского Благородного пансиона» [34. С. III–XVII]. Но и этим педагогические акценты монографии не ограничиваются. Биограф посвятил несколько отдельных глав воспитанию и образованию цесаревича: «Обучение и воспитание В. К. Александра Николаевича» (гл. XXXIV), «Законоучитель Великого Князя Александра Николаевича Г.П. Павский» (гл. XXXV), «Жуковский в трудах по наставничеству и в досуге. – Борьба Митрополита Филарета с Павским» (гл. XXXVI). Нетрудно заметить, что последние из названных глав имели лишь косвенное отношение к биографии поэта. Сам Поливанов-Загарин, видимо почувствовав излишний педагогический крен, сделал специальную оговорку: «Не желая прерывать повествования о том событии, в котором Жуковскому пришлось быть *скорее недоумевающим зрителем, нежели действующим лицом* (курсив наш. – Е.А.), мы довели наш рассказ до 1835 года. Возвратимся теперь назад, чтобы остановиться на 1831 годе» [34. С. 458]. При этом автор монографии настолько увлекся страстями, кипевшими вокруг воспитания наследника престола, что незаметно для себя «пропустил» четыре года из биографии поэта.

Напротив того, в биографии, написанной Зейдлицем, «наставнический» сюжет вообще структурно не выделен. Рассказ о назначении Жуковского учителем цесаревича занимает у него вторую половину X главы и начало XI. Причем повествование обрамляется, с одной стороны, рассказом о постигших поэта бедах в частной жизни: смерти М.А. Протасовой-Моейр, после которой

неприятности нарастали как снежный ком («Кроме собственного своего горя, Жуковский начал в это время встречать и другие огорчения» [33. С. 138]), с другой – сообщением о смертельной болезни А.А. Воейковой: «Между тем судьба не переставала омрачать горизонт нашего друга густыми облаками, которые наконец собрались в страшную громовую тучу, разразившуюся над его сердцем. Племянница его, Александра Андреевна Воейкова, опять переселившись из Дерпта в Петербург, начала сильнее прежнего страдать кровохарканием» [33. С. 145]. Таким образом, сюжет наставничества сам собой отходил на второй план на фоне двух личных трагедий, связанных с сестрами Протасовыми.

Для педагога Поливанова, выступившего под псевдонимом Загарин, Жуковский был интересен, прежде всего, как *ученик* элитной московской школы и *учитель* самого яркого и неоднозначного русского царя XIX в. – этими двумя факторами, с точки зрения биографа, предопределялась биография поэта. Для Зейдлица педагогические сюжеты в жизни Жуковского были лишь фоном разыгрывавшейся личной драмы. Подобные акценты в работах первых биографов Жуковского закономерны: они не только обнаруживают созвучия с болезненными струнами в душах самих создателей первых книг о Жуковском (а потенциально – любого читателя), но также демонстрируют тот факт, что в «личной истории» поэта действительно содержались альтернативные сюжеты рецепции его наследия и жизнетворческого сценария.

В свою очередь, в конфронтации Поливанова и Тихонравова проявил себя не только частный конфликт профессионального ученого с дилетантом, но и наметилось назревающее столкновение двух дискурсов в отечественной словесности: популяризаторского и академического. Поливанову, педагогу и известному составителю литературных хрестоматий, для того чтобы создать необходимый эффект, достаточно было остановиться только на вершинных («хрестоматийных») произведениях и продемонстрировать на примере Жуковского неопределимую роль образования. Работа Зейдлица, концептуализирующая внутреннюю жизнь Жуковского, напротив, требовала детального обращения к письмам и дневникам поэта и в этом смысле в большей мере соответствовала научным требованиям академика.

Страстность, с которой Тихонравов отозвался на рецензируемую книгу, определялась не только тем, что биография Зейдлица была солиднее и удачнее загаринской, но в первую очередь тем, что работа Загарина была подана на премию Академии, т.е. претендовала на научную награду. А так называемая «популярная» биография на этот статус в конце XIX в. претендовать уже не могла. Но, несмотря на разгромную статью Тихонравова, популяризаторская установка, реализованная Загариным в отношении Жуковского, продемонстрировала свою жизнеспособность и в дальнейшем. Так, стержневым смыслом церемонии открытия памятника в 1887 г. стала сакрализация именно фигуры Жуковского-учителя. Как мы помним, сто учеников двух училищ его имени попарно возлагали цветочки к новому памятнику и были одарены томиком сказок Жуковского [14]. Уже к следующему юбилею поэта, в 1902 г., комиссия по народному образованию при Санкт-Петербургской городской думе выпустила Сборник избранных сочинений Жуковского «для раздачи оканчивающим курс учения в начальных народных училищах г. С.-Петербурга» [41].

С. 881]. Жуковский становится объектом изучения не только в элитных учебных заведениях (в частности, в Поливановской гимназии), но и в народных училищах.

Академическая традиция, намеченная в документальных публикациях юбилейной периодики (прежде всего, в «Русском архиве») и в критической рецензии Тихонравова, была продолжена в начале XX в. А.Н. Веселовским. В его книге «Поэзия чувства и “сердечного воображения”», вышедшей вскоре после юбилея 1902 г.¹ [42], проявилась ориентация на «первоисточник» Зейдлица, как и ранее в рецензии Тихонравова. Академика прямо обвиняли в чрезмерном биографизме. Но, думается, за подменой исследования «собира[ем] материалов для биографии», «биографической иллюзией» [43] и «почти чудовищным накоплением фактов» [44. С. 166] стояло нечто большее, чем методологический провал ученого.

Подчеркнутый биографизм этого исследования определялся, по меньшей мере, следующими тремя факторами. Во-первых, вся жуковсковедческая традиция до работы Веселовского складывалась из попыток подобрать ключ к биографии поэта. Еще в 1880-е гг. широко распространилось мнение о том, что творчество Жуковского было полностью определено его житием. Во-вторых, в современной модернистской поэзии и литературном быте рубежа веков девиз Жуковского «Жизнь и Поэзия – одно» реализовывался в биографиях большинства известных поэтов и требовал своего осмысления. Наконец, проделанная Тихонравовым работа предъявила к жуковсковедческим работам определенный критерий качества, предполагающий тщательное изучение личных документов и эпистолярного наследия поэта и его окружения.

По наблюдению Л. Киселевой и Т. Степанищевой, монография Веселовского была написана в скрытой полемике с работой Зейдлица [43]. К ключевым эпизодам жизни поэта ученый подбирал другие документальные свидетельства, которые освещали события и основной вектор движения жизни Жуковского в ином свете. Таким образом, ставилась под сомнение и главная идея Зейдлица – обусловленность жизни и поэзии Жуковского исключительным рыцарским служением Маше Протасовой.

Бракосочетание Жуковского Зейдлиц однозначно оценил как ошибку:

Скоро почувствовал поэт и разлад с самим собою. Новая жизнь не вязалась с тем, что составляло внутренний его мир, не шла к тому, что составляло внутренний его мир, не шла к тому, что выработалось в нем, с чем он сжилась – она отрывала его от прежних образов, связей и мечтаний. Сколько ни старался он уверить себя и друзей своих, что именно теперь счастлив, и в семейных заботах умиротворил свой дух, узнал, что такое истинное счастье на земле. Сквозь подобные уверения всегда слышалось, что счастье, им достигнутое, не есть вполне то, к которому он стремился в своей молодости [33. С. 172].

¹ Выходу монографии предшествовало юбилейное «чтение» ученого, в котором уже были высказаны основные идеи будущей книги. См. об этом: [15. С. 35].

Правомерность этой оценки была поставлена под сомнение в одной из юбилейных статей 1902 г. В.В. Каллашем, отметившим: «Вся его (Жуковского. – Е.А.) молодость ушла на непонятную любовь к довольно обыденному существу, ничем не выдающемуся, кроме *стихийной* доброты, и почти безобразному; почти 60 лет он женился на писаной красавице, молодой и обаятельной, с крупной индивидуальностью» [45. С. 138]. Свои главные работы Каллаш посвятил Крылову и Гоголю, причем интересом к последнему, союбию Жуковского, мы, вероятно, и обязаны появлением двух статей 1902 г. о первом русском романтике. Кроме того, в научных интересах исследователя заметное место занимала сама проблема литературного юбилея, к которой Каллаш неоднократно обращался на протяжении всей жизни¹. Не подпадая под обаяние романтической биографии поэта и не являясь узким специалистом по Жуковскому, Каллаш в своих статьях дал рациональную оценку событиям. Нахождение исследователя за рамками романтической эстетики и взгляд на ситуацию «со стороны» представляет специальный интерес.

Вне рыцарского понимания житетворческого сценария Жуковского поведенческая стратегия поэта теряла всякий смысл. Здесь Каллаш пошел даже на некоторое сгущение красок, начисто отказав М.А. Протасовой-Мойер в каких бы то ни было достоинствах и идеализировав в противовес ей законную супругу поэта. Исследователь указал на литературную, неестественную природу меланхолии бытового поведения Жуковского, от которой ему удалось освободиться только в конце жизненного пути. «Жизнерадостный и жизнеспособный по природе человек, большой шутник и забавник в интимном кругу, он делается, по общему признанию, символом элегического томления и романтической тоски» [45. С. 138]. Иными словами, Каллаш говорит о литературных корнях романтического культа в жизни Жуковского и оценивает его отрицательно.

Веселовский развенчал «рыцарство» Жуковского несколько иначе. При описании семейной жизни поэта ученый воспользовался письмами Ал. И. Тургенева и П.А. Вяземского, в которых брак Жуковского рисовался в самых восторженных выражениях: «полнота счастья», «рай», «весело и умирительно на них (супругов. – Е.А.) смотреть», «доля пришлось по его достоинствам», «романтическая страсть», «светлое сочувствие, которое освятилось таинством брака»² [42. С. 421–423]. Другой стратегией ученого стало членение монографии на главы, в соотношении которых невербально проявляется концепция книги (подобно рассмотренным выше «протасовским» обрамлениям каждой главы у Зейдлица и педагогическим эмфазисам Загарина). Веселовский сделал акцент на других романтических увлечениях Жуковского и, поместив их в названия глав, структурно выделил из повествования: «Юные годы. Первый опыт сентиментального увлечения и идеал дружбы. М.Н. Свечина и Андрей Тургенев», «При дворе. *Графиня Самойлова*. Поэзия мадригала и “сердечного воображения”» – «Пора самообразования и душевного одиночества. – М.А. Протасова» (курсив наш. – Е.А.). Причем сделано это было

¹ К их числу можно отнести следующие: [15, 46, 47, 48]. Кроме того, в 1913 г. Каллаш обращался к И.А. Бунину с просьбой написать статью о М.Ю. Лермонтове в собрание сочинений, издаваемое им к 100-летию со дня рождения поэта [49. С. 282, 667].

² Подробнее об этом см.: [43].

абсолютно идентично с главой, повествующей о чувстве к Маше, в результате чего это чувство из единственного превратилось в одно из многих.

В итогах изучения творчества и житнетворчества Жуковского в конце XIX – начале XX в. отчетливо проявилось «непостоянство канона» – его способность не только хранить прошлое, но и отвечать потребностям настоящего: «Если мы считаем литературу живым организмом, – пишет И. Кукулин, – то и канон, определяющий ее, – непостоянный: он состоит из подвижных нитей, связывающих прошлое литературы с ее сегодняшним днем» [50]. Как видно из юбилейных работ о Жуковском 1883 и 1902 гг., основное внимание исследователей было сосредоточено на реконструкции биографии поэта. Причем в значительной части юбилейных публикаций ставился вопрос о человеческих качествах натуры Жуковского, затмевавших его профессиональные – литературные и педагогические – достижения. В ряде работ эта мысль акцентирована уже на уровне заглавия: «В.А. Жуковский в своих письмах, как человек и наставник в Бозе почившего Императора Александра II» В.Н. Витевского (Казань, 1883), «В.А. Жуковский, как человек, христианин, поэт и воспитатель» К. Десницкого (Вятка, 1883), «В.А. Жуковский, как человек и как наставник Императора Александра II» Ор. Миллера (М., 1883) и др. [51. С. 387]. Особенно ярко эта проблема была сформулирована в юбилейной статье М. Стасюлевича: «Биограф Жуковского, перечитывая такие письма – а их много – должен чувствовать себя в большом затруднении: что в нем поставить на первое место – человека или поэта? Верно одно, что Жуковский-поэт вышел целиком из Жуковского-человека» [30. С. 469]. В юбилейном очерке П.А. Висковатова слово «человек» специально выделено разрядкой: «Да! сослужил этот человек – в полном и высоком значении слова – великую службу России и не на одном только поприще литературном [31. С. 183].

Своеобразной реакцией на нагнетание биографических мотивов в юбилейной литературе о Жуковском стал комментарий «Отечественных записок» М.Е. Салтыкова-Щедрина: поздравительные материалы в журнале опубликованы не были, однако февральский выпуск за 1883 г. содержит развернутое обсуждение торжеств и публикаций в других журналах. Этому вопросу анонимный автор раздела «По поводу внутренних вопросов»¹ посвятил специальный объемный пассаж.

Юбилеи справляем, памятники ставим, панихиды служим по Фонвизину, Гоголю, Жуковскому. И нельзя сказать, чтобы скучно было среди этих покойников. Во сколько раз они лучше, умнее и добрее многих современников. <...> Да и действительно ли мы уважаем и ценим хороших покойников? Ведь мы даже порядочной биографии Жуковского не написали, а написал ее г. Зейдлиц на немецком языке. В самих воспоминаниях наших порою проглядывает что-то такое если не непочтительное, то очень своеобразное – какая-то веселость и совершенно неуместная игривость ума [52. С. 229].

¹ Статья была написана, по всей видимости, постоянным автором рубрики «По поводу внутренних вопросов» с 1881 по 1884 г. публицистом-народником С.Н. Кривенко.

Далее автор перечисляет многочисленные двусмысленности в юбилейных публикациях о Жуковском: шутки о сходстве родителей поэта с Агарью и Авраамом, сравнение его переписки с М.А. Протасовой с перепиской Абеяра и Элоизы, предложение пригласить «на юбилейное торжество Турцию, которой принадлежит, по крайней мере, половина Жуковского», а также превращение его в идеолога военного похода на Константинополь [52. С. 229–231].

Критик выступил против муссирования деликатных биографических подробностей, но в то же время не отказался от самого жизнеописательного подхода как главного принципа подготовки поздравительных статей. По мнению автора, юбилейные материалы должны даваться в ином – «прогрессивном» – ракурсе, т.к. значимость юбиляра определяется, прежде всего, его общественной позицией и тем, какое место он занял бы в актуальной политической дискуссии.

Каким бы передовым человеком мог, например, быть теперь Жуковский, столетний день рождения которого мы отпраздновали 30-го января, Жуковский – человек просвещенный, стремившийся к добру и веривший в него, человек, признававший человеческое достоинство и веривший в прогресс, любивший юность, хлопотавший о задержанных цензурой сочинениях и декабристах, постоянно помогавший и думавший о ком-нибудь другом, освободивший своих крестьян и говоривший, что «быть рабом есть несчастье», что «любить рабство есть низость», что «не быть способным к свободе есть испорченность, произведенная рабством», что «неподвижность есть смерть», что движение вперед есть «святое дело», так как «все в Божьем мире развивается, идет вперед и не может и не должно стоять» [52. С. 229].

Итак, биографический подход стал генеральным направлением в большей части работ, приуроченных к юбилею Жуковского 1883 г., – от консервативных до народнических. Это обстоятельство само по себе требует осмысления.

Как отмечает Ю.М. Лотман, «каждый тип культуры вырабатывает свои модели “людей без биографии” и “людей с биографией”» [53. С. 365]. *Человек с биографией* «реализует не рутинную, среднюю норму поведения, обычную для данного времени и социума, а некоторую трудную и необычную, “странную” для других и требующую от него величайших усилий» [53. С. 366]. Жуковский в полной мере отвечал этим требованиям. Незаконнорожденный мальчик, ставший учителем будущего царя; придворный, сохранивший кристально чистую репутацию; поэт, добровольно отказавшийся от возлюбленной и посвятивший ей свои лучшие произведения – вот далеко не полный набор биографических сюжетов Жуковского, удивлявших и его современников, и потомков.

А.Л. Зорин указывает на другой фактор, который необходимо учитывать при описании рецептивного механизма: «...насколько формирование жизненного текста, обладающего определенной поэтикой, является результатом интенции самого исторического деятеля, или оно вчитано в него современниками и мемуаристами, которые были склонны замечать прежде всего или исключительно то, что укладывается в определенные литературные каноны» [38. С. 13]. Иначе говоря, в какой мере житетекст русского балладника был

сформирован самим Жуковским, а в какой степени явился следствием «изобретения традиции» (Э. Хобсбаум) – осознанного сочинительства мемуаристов-современников и академических предпочтений позднейших исследователей?

По мнению Ю.М. Лотмана,

биография автора становится осознанным культурным фактом именно в те эпохи, когда понятие творчества отождествляется с лирикой. В этот период квазибиографическая легенда переносится на полюс повествователя и так же активно заявляет свои претензии на то, чтобы подменить реальную биографию. Этот закон дополнительности между сюжетностью повествования и способностью реальной биографии создателя текста к мифологизации может быть проиллюстрирован многочисленными примерами от Петрарки до Байрона и Жуковского [53. С. 368].

К середине XIX в. эта тенденция стала угасать и была спародирована А. Толстым и братьями Жемчужниковыми в образе Козьмы Пруtkова – биографии без поэта. На рубеже XIX–XX вв. вновь усиливается интерес к лирике и писательским биографиям, отсюда повышенное внимание к Жуковскому – одному из первых русских поэтов «с биографией».

Преимственность модернизма по отношению к романтизму была связана не только с категориями поэтики и эстетики, но в значительной степени и с практикой знакового нарушения границы между литературой и жизнью, тем, что Л.Я. Гинзбург назвала построением в самой «жизни художественных образов и эстетически организованных сюжетов»¹. Если авторы конца XVIII – начала XIX в. нередко применяли литературные «эмоциональные матрицы» [38. С. 14] к собственному бытовому поведению неосознанно, то поэты Серебряного века к формированию собственного мифа подходили чаще всего вполне сознательно. В частности, А. Жолковский в своей работе о жизнетворческой стратегии А.А. Ахматовой предложил целую подборку документальных свидетельств, фиксирующих характерную черту эпохи – жизнь «с оглядкой» на будущее. Наиболее точно, по мнению исследователя, эта мысль была выражена Н.Я. Мандельштам в отношении Ахматовой: «Откуда-то с самых ранних лет у нее взялась мысль, что всякая ее оплошность будет учтена ее биографами. Она жила с оглядкой на собственную биографию» [55. С. 196].

В Жуковском модернисты легко угадывали «своего». Так, в рецензии на книгу Веселовского о поэте А. Блок отметил: «Жуковский подарил нас мечтой, действительно прошедшей “сквозь страду жизни”. Оттого он наш – родной, близкий» [56. С. 576]. Его произведения воспринимались Блоком не только (и не столько) как поэтический образец, сколько как пример идеального *бытового поведения*. Незадолго до свадьбы, 15 мая 1903 г., Блок писал своей невесте Л.Д. Менделеевой:

Вчера я перечитал “Ундину” Жуковского (перевод) (после того как написал такое отвратительное письмо к Тебе) – и почувствовал, что бывает на

¹ Цит. по: [54. Р. 19].

свете и что надо вспомнить и чему служить. Ты увидишь меня другим и, дай бог, чтобы лучшим, чем я теперь. Теперь уже всплывают передо мной мои вины перед Тобой за это последнее время. Молчу, когда нужно говорить, или наоборот – и, вообще, мало чуткости и мистического внимания к Тебе [57. С. 44].

В промежутке между двумя юбилеями 1883 г. и 1902 г. произошла смена культурных эпох. Крупнейшими вехами этих десятилетий стало становление научных литературоведческих школ, религиозной философии и новой парадигмы в искусстве – модернизма. В их контексте переосмыслились статус и функции биографии поэта, формировалось поле для реинтерпретаций творческого наследия. Эти обстоятельства станут предметом анализа в следующей статье.

Литература

1. Грот Я.К. Очерк жизни и поэзии Жуковского // Грот Я.К. Труды. Т. 3: Очерки истории русской литературы (1848–1893). Биографии, характеристики и критико-библиографические заметки / под ред. К.Я. Грота. СПб., 1901. С. 172–200.
2. Молок Ю.А. Пушкин в 1937 году. М.: Новое лит. обозрение, 2000.
3. Витевский В.Н. В.А. Жуковский в своих письмах, как человек и наставник в Бозе почившего императора Александра II (1783–1883). Казань, 1883.
4. Письма Жуковского к государю императору Александру Николаевичу. Ч. 1 (1832–1839), с предисл. и пояснениями [Петра Бартенева] // Русский архив. 1883. Кн. 1, № 1. С. I–XXXII.
5. Письма Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу. Ч. 2. 1839–1941 (Болезнь в Могилеве. – Преподаватели наследника цесаревича. – Барон Розен. – Н.В. Гоголь. – Женильба Жуковского) // Русский архив. 1883. Кн. 2, № 3. С. XXXIII–LVI.
6. Письма В.А. Жуковского к Государю Императору Александру Николаевичу. Ч. 3. 1842–1847. (Семейная жизнь. – Рождение дочери. – Значение самодержавия. – Кончина великой княгини Александры Николаевны. – Рождение сына. – Советы, как воспитывать великих князей. – Рейтерны. – Декабристы. – Кончина свояченицы) // Русский архив. 1883. Кн. 2, № 4. С. LVII–CLX.
7. Десницкий К.В. А. Жуковский, как человек, христианин, поэт и воспитатель. Вятка, 1883.
8. Миллер Ор. В.А. Жуковский, как человек и как наставник Императора Александра II. М., 1883.
9. Невзоров В. В.А. Жуковский: Биографический очерк и его воспитательное значение для русского общества. Казань, 1883.
10. В.А. Жуковский. Чествование его памяти в С.-Петербурге 29 и 30 января 1883 года. СПб.: Изд. Н.И. Стояновского, 1883.
11. Миллер О. На смерть Жуковского // Северная пчела. 1852. № 120. 5 мая. С. 477.
12. Глинский Б.Б. Орест Федорович Миллер // Исторический вестник. 1889. Т. 37, № 8. С. 340–364.
13. Открытие памятника – бюста Жуковского [в Александровском саду] // Биржевые ведомости. 1887. № 149. 4 июня. С. 2.
14. Памятник В.А. Жуковского: [описание памятника. Торжество открытия, 4 июня 1887 г.] // Петербургский листок. 1887. № 149. 5 июня. С. 2.
15. Каллаш В. Жуковско-гоголевская юбилейная литература // Русская мысль. Кн. 7. М., 1902. С. 20–38.
16. «Сегодня в Народном Доме Николая II чествовали память В.А. Жуковского...» // Новости дня. 1902. 3 мая (20 апреля). Режим доступа: <http://starosti.ru/archive.php?m=5&y=1902>
17. «Вышла в свет новая книга...» [Объявления] // Вестник Европы. 1883. Т. 99. С. X.
18. О предоставлении изготовления бронзовых бюстов с гранитными к ним пьедесталами кн. А.М. Горчакова скульптору Баху, а поэта В.А. Жуковского скульптору Крейтану и об ассигновании на этот предмет 9.295 руб. // Изв. С.-Петерб. городской думы. 1885. № 13. С. 8.

19. *Открытие* памятника – бюста Жуковского [в Александровском саду] // Биржевые ведомости. 1887. № 151. 6 июня. С. 1–2.
20. *Антонов В.* Адмиралтейская аллея – Александровский сад // Невский архив: Ист.-краевед. сб. [Вып.] 3. СПб., 1997. С. 324–343.
21. *О постановке* бюста поэту Жуковскому // Изв. С.-Петерб. городской думы. 1886. № 43. С. 669.
22. *О выборе* улиц для наименования их в память русских писателей Н.В. Гоголя и В.А. Жуковского по случаю исполняющегося в 1902 году 50-летия со дня их смерти // Изв. С.-Петерб. городской думы. 1902. № 4. С. 529–537.
23. *Недельное обозрение* (Благоустройство города С.-Петербурга [Продолжение]) // Неделя строителя [Прибавление к журналу «Зодчий» органу С.-Петербургского общества архитекторов]. 1887. № 37. 13 сент. С. 147.
24. *Майков А.Н.* 29 января 1883 // Русский вестник. 1883. Т. 163. Янв. С. 384–386.
25. *К биографии* Жуковского // Русский архив. 1883. Кн. 1. № 1. С. 207–216; № 2. С. 308–348.
26. *Янушкевич А.С.* Примечания // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 13. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804–1833 гг. / сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. М., 2004. С. 443–601.
27. *Бычков И.А.* Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. СПб., 1887. Приложение.
28. *Дневники* В.А. Жуковского / с примеч. И.А. Бычкова. СПб., 1903.
29. *Жуковский В.А.* Сочинения: в 6 т. / под ред. П.А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.
30. *М.С.* <М. Стасюевич>. Столетний юбилей рождения В.А. Жуковского // Вестник Европы. 1883. Т. 99. С. 468–472.
31. *Василий* Андреевич Жуковский. Столетняя годовщина дня его рождения. 27 января 1783–1883 гг.: очерк и письма поэта / общ. д-р К.К. Зейдлиц и проф. П.А. Висковатов // Русская старина. 1883. Кн. 1. Янв. С. 181–212.
32. *Полонский Я.П.* Двадцать девятое января. 1783–1883 // Вестник Европы. 1883. Т. 99. С. 813.
33. *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. 1783–1852: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб.: Изд. редакции «Вестника Европы», 1883.
34. *Загарин П. В.А.* Жуковский и его произведения. М.: Изд. Льва Поливанова, 1883.
35. *Тихонравов Н.С.* В.А. Жуковский. Рец. на кн.: «В.А. Жуковский и его произведения, 1783–1883», сочинение П. Загарина (псевдоним). Изд. Л. Поливанова // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3, ч. 1: Русская литература XVIII и XIX вв. М., 1898. С. 380–503.
36. *Гиацинтов В.Е.* К характеристике Льва Ивановича // Памяти Л.И. Поливанова (к 10-летию его кончины). М., 1909. С. 28–33.
37. *Сливицкий А.М.* Лев Иванович Поливанов по личным моим воспоминаниям и по его письмам // Памяти Л.И. Поливанова (к 10-летию его кончины). М., 1909. С. 42–152.
38. *Зорин А.Л.* Понятие «литературного переживания» и конструкция психологического протонарратива // История и повествование: сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 12–27.
39. *Салупере М.Г.* Зейдлиц и Жуковский – к истории взаимоотношений // Пушкинские чтения в Тарту 3: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева / ред. Л.Н. Киселева. Тарту, 2004. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/535313.html>
40. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
41. *От городской* Комиссии по народному образованию // Вестник Европы. 1902. Т. 213. Кн. 2. Февр. С. 881–882.
42. *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
43. *Киселева Л., Степанищева Т.* К источникам книги Веселовского о Жуковском (К. Зейдлиц) // Вопр. лит. 2007. № 6. С. 108–117. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/6/kis5.html>

44. *Маркович В.М.* Книга А.Н. Веселовского «В.А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения» и ее судьба в отечественном литературоведении // Маркович В.М. Мифы и биографии: Из истории критики и литературоведения в России: сб. ст. СПб., 2007. С. 166–197.
45. *Каллаш В.В.* «Поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских»: (Памяти В.А. Жуковского) // Русская мысль. 1902. Кн. 4. С. 138–157.
46. *Каллаш В.В.* К столетию рождения великого, гениального, незабвенного русского поэта А.С. Пушкина. Новоузенск, 1899.
47. *Каллаш В.В.* Очерки по истории русской журналистики: (К двухсотлетию нашей периодической печати). М., 1903.
48. *Каллаш В.В.* Юбилейные стихотворения о Пушкине (1899–1900). СПб., 1908.
49. Бунин И.А. Письма 1905–1919 годов. М.: ИМЛИ РАН, 2007.
50. *Кукулин И.* От Сваровского к Жуковскому и обратно: О том, как метод исследования конструирует литературный канон // Новое лит. обозрение. 2008. № 89. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/ku16.html>
51. *Источники словаря русских писателей / собрал С.А. Венгеров.* Т. 2: Гогоцкая – Карамзин. СПб., 1910.
52. *По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки.* 1883. № 2. Февр. С. 227–245.
53. *Лотман Ю.М.* Литературная биография в историко-культурном контексте: (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 365–376.
54. *Паперно И.* Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 19–51.
55. *Жолковский А.* К технологии власти в творчестве и житнетворчестве Ахматовой // Lebenskunst – Kunstleben. Житнетворчество в русской культуре XVIII–XX вв. / Hrsg. Schamma Schahadat. München, 1998. С. 193–210.
56. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5.
57. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Л., 1983. Т. 6.